

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars VIII

Dissertationes sectionum:
Literatura, archeologica et historica

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars VIII

Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-8-6 (Pars VIII)

© Reguly Társaság, 2011

ПЕРВЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ УДМУРТОВ⁹²

Первые удмуртские просветители, среди них Г. Верещагин, Н. Иванов, К. Андреев, И. Михеев, И. Яковлев, Г. Прокопьев и другие, в своих взглядах были далеки от узкоклассового подхода к действительности и ограничивались решением, прежде всего, общедемократических задач и постановкой просвещенческих проблем. Поэтому в советское время их творческое наследие не было собрано и до сих пор, за исключением наследия Г. Верещагина, остается разбросанным в разных периодических изданиях, архивах и частных собраниях. В аналогичном положении находится наследие просветителей других финно-угорских народов Поволжья и Урала. Следует заметить, что благодаря усилиям Петера Домокоша, Кима Васина, Сеппо Лалукки, Анатолия Уварова, Василия Ванюшева, Александра Кутявина и других в последние годы восстанавливается справедливое к ним отношение. Но всё же эти просветители не подняты на должную и заслуженную ими высоту. В общественном сознании они представляются лишь как учителя, методисты, которые, обучив первое поколение учителей, дали первый толчок к пробуждению национального самосознания своих народов. И это, безусловно, так. Но их роль в развитии национального самосознания намного значительнее. Они сами и воспитанная ими интеллигенция в каких-то аспектах смотрела на судьбы своих народов глубже и дальше, чем последующие поколения советской интеллигенции, которые, выступая за всестороннее развитие и прогресс своего народа, забывали о его национальной идентичности. Поэтому на новом, советском, этапе социально-экономической модернизации, просветители, большинство которых были учителями, писателями, поэтами и публицистами, вступили в конфликт со своими преемниками, которые в большинстве своём считали, что родной язык им нужен лишь до той поры, пока они не выучат язык межнационального общения, а если и не считали так, то легко примирялись с устанавливающимся положением дел. (Отсюда – разделение их в критике на «старых» и «новых» писателей). Как это ни парадоксально, по мере роста образованности и материального благосостояния народа, появления новых технических средств обучения, новых СМИ, на рубеже 1950–1960-х годов закрывались национальные школы, перестали издаваться учебники и периодические издания на национальных языках. Последние или закрывались, или выходили как дуближи русскоязычных изданий. Так, например, оригинальная республиканская газета на удмуртском языке «Советской Удмуртия» в начале 1960-х годов называлась «Удмурт правда» и выходила как дуближ газеты «Удмуртская правда». Исчезли

⁹²Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (кон. XIX – нач. XX в.).

самостоятельные районные газеты на удмуртском языке, и они до сих пор не восстановлены.

По существу, исходные положения советской официальной политики по отношению к языкам финно-угорских народов Поволжья и Урала всё больше начинали совпадать с официальной политикой царского режима. Если во 2-й половине XIX века Н.И. Ильминский считал, что образование этих народов должно быть национальное по форме и ортодоксальное по духу, то в советское время «ортодоксальное» по духу было заменено на «социалистическое» (Лаллукка 1994). Но наиболее видные просветители уже во времена Н.И. Ильминского шли дальше идеологии своего великого учителя-востоковеда. В одном из своих писем чувашский просветитель И.Я. Яковлев жаловался на оказываемое высоким церковным чином давление на учителей перед их предстоящим съездом. Владыка, отозвавшись весьма неблагоприятно о съезде, пишет И.Я. Яковлев, сказал, что «вам самим инспекторам следует сговориться, а то у вас один хочет одного, другой другого, вот Яковлев хочет чувашить, а чуваш надо русить, нынче у нас бог знает что делается на Руси. Грузины, осетины, татары лезут все учиться, каждый хочет по-своему. Нужно по-русски учить. Богослужение инородцам Синод дал не ради того, чтобы оно у них совершалось по-своему, а чтобы поскорее обрусить да оставить» и пр. [очее]...Ты, господи, веши, что в будущем ожидает инородцев. Я думаю, радушный хозяин своего гостя, нашего владыку Варсонофия по-своему зарядил. Под влиянием размышлений, дум, возникающих невольно под влиянием всего происходящего вокруг, ещё больше опасаясь за будущее, я испытываю ужасное душевное состояние. Мне часто думается, что непосильна мне та ноша, возложенная на меня, хотя эта ноша не составляет и 1/10 части всего инородческого дела, поднятого Вами» (Яковлев 1985).

Понятно, что И. Яковлев озабочен тем, что давая народу образование и обращая его в христианскую веру, власти могут гасить национальное самосознание народа и лишить его своей национальной идентичности. Первые просветители, стремясь вывести свой народ к свету, на дорогу прогресса, считали само собой разумеющимся, что народ останется народом. Но Кузубай Герд уже в первые годы советской власти разглядел, что она не спешит адекватно решать национальные проблемы и был сильно обеспокоен тем, что удмурты, устремляясь, как мотыльки, на свет новой жизни, могут утратить свой язык («Наши посевы – слова. Может быть, стопчут посевы благие, может быть свяжут в снопы тугие...»).

Наиболее точным показателем этнического самосознания индивида, несомненно, является его признание принадлежности к своему этносу, а также признание языка своего этноса родным. Если сравнить результаты всероссийских переписей по удмуртскому этносу, то мы не можем не заметить серьёзные сдвиги в сторону эрозии национального самосознания. Во-первых, немало удмуртов записывают себя русскими, а из тех, кто признаёт себя удмуртом, не знает своего родного языка (в 1926 г. удмуртский язык считали родным 98,9% удмуртов, а в 1989 году – 69,8%). Другие социологические исследования показывают, что многие из тех, кто владеет языком, не используют его на практике; а из тех, кто использует, использует только в быту (отсюда выражение «кухонный язык»). Факторами этих процессов являются утрата

удмуртским языком своих государственных и общественных функций, перевод обучения с родного языка на русский. Одной из главных причин этих явлений была официальная государственная политика, основным идеологическим аргументом которой был тезис о том, что все этносы свободно владеют русским языком и якобы необходимость знания своего родного языка постепенно отпадает. В годы «перестройки» и смены власти политиками была разыграна так называемая «национальная карта», и произошёл всплеск национальных чувств, на гребне которого возрождалось национальное движение. СМИ конца XX в. отразили широкий спектр мнений по национальному вопросу и в целом давали оптимистический настрой на возрождение этнического самосознания. Однако в дальнейшем, с установлением рыночных отношений, резко упали тиражи национальных газет и журналов, происходило сокращение эфирного и экранного времени на телерадиоканалах.

Весной 2009 года в СМИ были обнародованы данные ЮНЕСКО о том, что удмуртский язык перешёл в ряд исчезающих. Это произвело сильное впечатление на национальную интеллектуальную элиту, которая решила предложить меры по этнической мобилизации. В республике идут сейчас двусторонние процессы: научная и творческая интеллигенция пытается остановить процесс свёртывания национального языка и открывает кружки по изучению языка, создаёт сайты на удмуртском языке, удмуртские классы в городе. Но в то же время идёт сокращение тиражей газет, уменьшение числа учащихся в удмуртских классах и т.д. Но, тем не менее, удмуртский язык, признанный вторым государственным языком, не обретает государственных и общественных функций. Сами представители не используют своих конституционных прав обучать детей на родном языке (отсюда выражение «национальный нигилизм»).

На этническое самосознание удмуртов сильно влияет степень толерантности проживающих с ним народов (если в начале XX века на территории, занимаемой нынешней Удмуртией, удмурты составляли 70% всего населения, то сегодня они составляют менее 30%). В некоторых русскоязычных изданиях появляются публикации, формирующие негативное отношение к финно-угорским этносам, что, в конечном счёте, наносит удары и по этническому самосознанию, ибо непрестижно принадлежать к этносу, который якобы имеет сепаратистские намерения («Независимая газета») или создаёт якобы депрессивную ауру («Совершенно конкретно»). Замечено, что в удмуртских диаспорах Башкортостана и Татарстана этническое самосознание выше, чем в самой Удмуртии. В этих тюркоязычных республиках даже на уровне обыденного сознания не функционирует чрезвычайно обидный для удмуртов этноним «вотяк».

Яркое впечатление на удмуртскую интеллигенцию, судя по количеству публикаций и комментариев, оставил Арпад Генц, Президент Венгрии во время своего официального визита в Удмуртию. После длительного заморозка, как выразился Арпад Генц, имея в виду советский период, республика вновь стала доступной миру, и мир снова открывает её. Президент отметил, что финно-угорские народы России не потеряли интереса к себе, к своему языку, к своей идентичности, несмотря на то, что в предыдущие годы национальный язык и национальная культура подверглись эрозии, а вместе с ними и роль этих народов

жизни страны... Более того, как отметил Президент, эти народы прилагают усилия для воспитания своей интеллигенции, тянутся друг к другу и ищут поддержки у своих более продвинутых собратьев по языку. Как дипломатично заметил президент, «счастье финно-угров на этой земле – как раз одно из самых прекрасных доказательств мудрой политики Российской Федерации в этом направлении. Это укрепляет моральный авторитет России во всем мире и ее имидж как державы, стоящей на моральных принципах». Ссылаясь на впечатления от посещения удмуртской деревни Баграш-Бигра, Президент сказал, что у народа есть свой чистый незамутненный родник народной культуры и, следовательно, есть перспективы для модернизации форм жизни на самобытной основе. Но для этого, намекнул Президент, самим удмуртам надо брать на себя большие обязательства: быть удмуртом – это значит больше, чем говорить на удмуртском языке и исполнять, знать удмуртскую музыку; важно на своем удмуртском языке постигать все основные научные направления... “

Именно этого хотели первые просветители финно-угорских народов, призывая свои народы к знаниям и свету, – стать наравне с другими народами и при этом оставаться удмуртами.

Литература

- Лаллукка, Сеппо. Казанская семинария учителей и пробуждение финских народов в регионе между Волгой и Уралом. Пер. с англ. Т.А. Красновой // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. – С. 41.
- Феномен Удмуртии. Т.: 6. “Как наше слово отзовется...” М. – Ижевск: Удмуртия. 2008. – С. 705–710.
- Яковлев, И.Я. Письма. Чебоксары. Чувашское кн. изд. 1985. – С. 97.